

Артем Веселый.—«Страна родная». Роман. Изд-во «Новая Москва». 1926 г. Стр. 198. Ц. 1 р. 40 к. 5.000 экз.

Конечно, определить эту книгу подзаголовком «роман» было поэтической вольностью. Может быть, поэтому автор на следующей странице внес поправку, обозначив свою пеструю и красочную повесть словом «фрагменты». Получился «роман в фрагментах», где главное и единственное действующее лицо «страна родная». Широкая тема является основной, сюжет едва сдерживает эту тему, только придает ей самые необходимые очертания. Вот вот он готов «умырнуть» и разлиться в дикой песне, где останутся только пляшущие вприсядку слова.

Гражданская война, партизаны, комиссары и советские барышни, деревня, восставшие мужики, дремучие леса, голод, изобилие и прежде всего—деревня, деревня, деревня. В целом «страна родная» прочувствована глубоко лирически, со звериной любовью. В этой стране чудеса на каждом шагу. Вот мужицкий пир: «На столе блинов копна. Щербы блюдо с лоханку. Рыбы куча — без порток — не перепрыгнешь. Пирожки по лаптю. Курники по решету. Ватрушки по колесу. Пшенички, лапшенники в масле тонут. Сметаной и медом залейся. Пар в потолок». В теории словесности или, как нынче говорят, в поэтике такой стилистический прием называется гиперболой. Но Артему, конечно, наплевать на то, как учитель словесности раз'яснит его «приемы» скучающим ученикам. Неумышленно писал, видел собственными глазами — ведь это о современниках Ильи Муромца! Честное слово, остались такими же, и у каждого палицы «по девяносто пуд». Не беда, что рядом «уже было вывезено по двадцати пяти вместо шестнадцати пудов с тридцатки; там давно люди ели дубовую кору, скотины оставалось по голове на двенадцать дворов, да и та от бескормицы подвешивалась на веревки и дохла». Здесь ничему не удивляйтесь — нелепицы и безобразия на каждом шагу: «Сегодня открытие народного театра. Спектакль в пользу русских военно-

пленных. Небывалая программа: 1. В погоне за свободой. Трагедия в 2-х действиях. Соч. тов. Ефима Гречихина. 2. Восточные танцы. Исполнит любимица публики т. Л. М. Дарьялова-Заволжская. 3. Фокусы и акробатика с разбиванием кирпичей о свою голову, гражданин Вакуленко-Стодольский».

Тут же через страницу: «Из лохмотьев выпирали голые куски тела, култышки, разбитая обувь. Страшно глянули черные лица и вялые обмороженные уши. Павел, когда говорил, как-то не замечал их. Литературу растащили на раскурку, на подтопку костров, на подвертыванье на ноги — у немцев выучились. За вокзалом Павел перегнал обоз ломовиков; широкие сани были в накат полны трупами тифозных и мороженных солдат». А вот — читаете и не страшно. На следующей странице будет уже совсем другое — веселое или забавное, какая-то местная нелепость, к которой все привычны и без которой немыслима Россия. Что это такое — чорт его знает! Правдоподобно до последней степени, умопомрачительно и немыслимо, а на самом деле — так и было. Орда, хоровод, скифы, новый небывалый мир, восставшие мужики, атаман коих произносит такую речь: «В Саратове восстанье! На лодке вода и под лодкой вода! Из Москвы нам везут тридцать тысяч винтовок! Смерть коммунистам! Да здравствуют большевики и весь простой народ! Ура-а-а!»

Орудовал в ней, в «Стране родной», по Артему, озорник Васька Буслаев, и в конце концов повесть об его дивных делах вышла не страшная, — молодая, здоровая, веселая. Как и в какой степени она «верно отражает действительность» — разговор никчемный и бесполезный. Какая уж там «действительность», ежели «ватрушки по колесу». Наврал, нафантазировал, перемешал с точными наблюдениями (умеет сказать о них сухо и точно) — вышла правда, потому что в корне огромное звериное чутье, связь кровная с народом, его дичью, плодотворной, как нераспаханная целина. Да, бывали и ужасы, ужасов много, но Артем легко о них забывает, заставляет забыть и читателей.

Оставив истину историкам, а ужасы— психопатам, он, что называется, «погулял» по России, пьяный ветром, дичью, полями; хотите — верьте, хотите — нет. Правда, тема стихийной России давно уже всем надоела. Надоела-то она надоела, а все-таки осталась, и Артем с этой темой справился лучше других. Ну, можно ли требовать от такой книги уставной композиции или правильно «развертывающегося сюжета»? Люди тонут на каждой странице, намечается какая-то как-будто длительная биография, тут же она забыта, орет и беснуется толпа, опять биография, опять толпа. Какая-то связь между тем налицо и при этом крепкая, нерастрапанная. События чередуются умело, по силе впечатления и по контрасту. А что нет биографической связи,—пожалуй, это даже и правильно. Попробуй он заострить свою повесть на сюжетной биографии — все сразу бы провалилось, потому что психология не его дело и вышла бы скучной. Герои стали бы героями, начали рассуждать, управлять событиями, и «страна родная» сразу бы потускнела среди книжных, вычитанных фраз. Такая опасность кое-где чуть-чуть проглядывает, но спасает юмор и любовь к бестолковщине. Спасают еще и богатые словесные средства. Синтаксис весь построен на короткой, стремительной фразе, на избрательных свойствах богатейшего русского глагола: «с севера из рукавов лесных дорог сыпались обозы со штабами, ранеными. С далеких уральских гор задирала сиверка. Остро пел жгучий, как крапива, ветер. Хмурь тушила день, садилось солнце на корень». «С лесных болот вадумчиво брели кисельные туманы. Мычал гудок в депо, откликался жиденький и дребезжащий с лесопилки, дружно подхватывали мельничные и мощным ревом вспугивали дрему утра». В тех случаях, когда глагол сам по себе недостаточно изобразителен, к нему удачно найден эпитет, сразу сообщающий нужный оттенок (наприм., «остро пел»). Умелое пользование глаголом — одно из самых лучших стилистических достоинств у Ар-

тема—«Лоб в лоб с тюрьмой. Бельма заколоченных фанерой окон. Оба этажа в набой. По скамейкам, по асфальтовому полу, в коридорах, по бельевым ящикам, всюду лапти, чапаны, пестрядина». Самое опасное во всем этом была возможность утратить правильное соотношение народного языка и традиционно-литературного (больное место современной русской прозы). За немногими исключениями Артем справился и с этой трудной задачей.

К. Локс.

А. Караваева. — «Медвежатное». Изд. «Земля и Фабрика». М.—Л. 1926. Стр. 84. 60 коп.

В «Медвежатном» со стороны содержания нас ничто не поражает. Все то, что служит темой этой повести, давно знакомо по ряду других литературных произведений: деревенская глушь, самогон, произвол властей и, наконец, светлый образ одинокого парня, б. красноармейца на темном (и, можно сказать, литературно-традиционном) фоне отсталой деревни. Повесть напоминает произведения т. н. «селькоровского» жанра, хотя Сергей и не селькор. Но социально он играет роль последнего (заступничество за бедняков при дележке делянок, агитация против бога и пр.), и, кроме того, разделяет судьбу селькоров—погибает от кулаков.

Вот как Сергей формулирует цель своего приезда в родную зауральскую деревню: «Сиволапые, Медвежатное—далища, глушь... а надо в ногу, как в песне. И Медвежатное и Москва—вместе, рядышком. Я в ногу попривык ходить—буду медвежатников подучивать» (15). Его травят, отбивают у него невесту, соблазняют самогоном и Марькой—деревенской Клеопатрой. Парня опутывают сетями, он бьется. Гольтьба деревенская верит в его заступничество, но не помогает. Только девка Глафира после убийства Сергея мстит кулакам—поджигает их добро.

Конечно, такой способ борьбы еще более оттеняет мрачную окраску повести. Чеховские «Мужики» по своему колориту очень близки к ней. Едва ли это входило в замысел Караваевой, но что же поделаешь?